

Специфика трансформации возрастной структуры русского населения Эстонии (2000–2021)

Д. И. Узнародов

ФИЦ Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону
uzn-dmitrij@yandex.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает особенности трансформации возрастной структуры русского населения Эстонии в период с 2000 по 2021 г. Посредством методики З. Длугоша проводит количественный анализ динамики возрастной структуры русского населения в наиболее крупных административно-территориальных образованиях Эстонии в указанный период, что позволило выявить направленность и скорость изменений возрастной структуры русского населения. Также анализирует различия в динамике возрастной структуры русского и эстонского населения. В результате исследования автор делает вывод о том, что в настоящее время возрастную структуру русского населения Эстонии можно определить как умеренно старую (уезд Харьюмаа), старую (уезды Валгамаа и Ида-Вирумаа) и очень старую (все остальные уезды страны), а эстонскому населению в разных уездах страны свойственны молодая возрастная структура, возрастная структура в преддверии старости, умеренно старая возрастная и старая возрастная структуры, что свидетельствует о более молодом характере возрастной структуры эстонского населения. Еще один вывод состоит в том, что в период с 2011–2021 гг. удельный вес русских Эстонии в возрастных группах 20–29 и 30–39 лет сократился на 6,33 %, что, в свою очередь, может говорить о риске снижения численности женского населения в наиболее репродуктивно активных возрастных группах еще на 22,5 % на протяжении 2020-х гг.

Ключевые слова:

Эстония, русское население, возрастная структура, возрастные группы, динамика старения

В конце 80-х гг. XX в. Эстония занимала седьмое место (475 тыс. чел.) среди всех республик Советского Союза по численности русского населения. Однако по такому показателю, как удельный вес русского этноса в структуре населения (30,3 %), Эстония уступала только Латвии и Казахстану. Несмотря на то, что после 1991 г. русские фактически стали второй государствообразующей этнической группой суверенной Эстонии, новые власти страны не предпринимали должных мер по интеграции русского

Specificity of transformation of the age structure of the Russian population of Estonia (2000–2021)

D. I. Uznarodov

Federal Research Center Southern Science Center, RAS,
Rostov-on-Don
uzn-dmitrij@yandex.ru

Abstract

The paper considers the peculiarities of the transformation of the age structure of the Russian population of Estonia in the period from 2000 to 2021. Using the methodology of Z. Dlugosz, a quantitative analysis of the dynamics of the age structure of Russian population in the largest administrative-territorial entities of Estonia in the specified period was carried out, which allowed us to identify the direction and rate of changes in the age structure of the Russian population. The differences in the dynamics of the age structure of the Russian and Estonian populations are also analyzed. As a result of the study, it is concluded that currently the age structure of the Russian population of Estonia can be defined as moderately old (Harjumaa uyezd), old (Valgamaa and Ida-Virumaa uyezds) and very old (all other uyezds of the country), and the Estonian population in different uyezds of the country is characterized by a young age structure, an age structure on the eve of old age, a moderately old age structure and an old age structure, which indicates a younger nature of the age structure of the Estonian population. Another conclusion is that in the period from 2011–2021, the proportion of Russians in Estonia in the 20–29 and 30–39 age groups decreased by 6,33%, which, in turn, may indicate a risk of a decrease in the number of women in the most reproductively active age groups by another 22,5% during the 2020s.

Keywords:

Estonia, Russian population, age structure, age groups, aging dynamics

населения в структуру находящейся в процессе становления гражданской нации, рассматривая существенную долю русских в структуре населения в качестве угрозы для титульного сообщества и в целом для нового государства. Данный фактор способствовал тому, что политика нациестроительства в Эстонии в тот период (особенно, процедура получения гражданства) отличалась целенаправленной маргинализацией русского этноса, сопровождавшейся выдавливанием существенного его сегмента

за пределы страны. Почти за 10 лет численность русской общины сократилась на 26 % (до 351 тыс. чел.), а чистый отток русского населения из страны в 1990–е гг. составил 64–65 тыс. чел.

Одновременно с этим нельзя не отметить, что последующая геодемографическая динамика русской общины Эстонии говорит о вполне успешном, в сравнении с рядом других государств бывшего СССР, процессе адаптации местного русского населения к новым жизненным реалиям. Подобная тенденция способствует повышению внимания к определенным научным направлениям, в особенности, изучению аспектов расселенческой, количественной и половозрастной динамики русской общины Эстонии.

Следует подчеркнуть, что анализ специфики трансформации возрастной структуры русского населения Эстонии еще не становился объектом самостоятельного исследования. В то же время некоторые аспекты данной проблематики становились частью исследований, направленных на изучение динамики русского населения и общих этнодемографических процессов как на территории постсоветской Эстонии, так и Прибалтики в целом. В частности, указанные выше аспекты нашли свое отражение в трудах Н. М. Кабузана [1], В. А. Козлова [2], А. Г. Манакова, О. А. Чученковой [3], И. В. Никифорова, В. В. Полещука [4], Л. Л. Рыбаковского [5], В. А. Тишкова [6], П. Э. Суворкова, И. В. Ермолина [7], С. А. Хрущёва [8], С. Я. Сущего [9; 10], К. С. Халлика [11], Д. В. Житина, А. А. Ивановой [12].

Тем не менее ряд аспектов этнодемографических исследований нуждается в более детальном изучении, в том числе важным является анализ динамики численности русских в разрезе уездов страны, а также особенностей их половозрастной и расселенческой структур не только в целом по Эстонии, но и в разрезе административно-территориальных образований. Цель данной работы – провести количественный анализ половозрастной структуры русского населения в уездах Эстонии в период с 2000 по 2021 г., проведя расчет ряда показателей (средний возраст русского населения, индекс старения, индекс динамики старения, соотношение мужского и женского населения).

Материалы и методы

Инструментарий исследования составили методы статистического анализа. В частности, в ходе исследования применяли сводку, группировку, а также корреляционный и регрессионный анализы полученных статистических данных. В качестве информационной базы исследования использовали материалы переписей населения Эстонии в 2000, 2011 и 2021 гг.

Что касается количественного определения динамики возрастной структуры населения, то в работе применяли методику З. Длугоша, которая позволяет анализировать процесс трансформации возрастной структуры населения как в количественном, так и качественном отношении, а также выявлять направленность и скорость изменений возрастной структуры посредством расчета индекса ди-

намики старения (WSD), позволяющего отразить имеющиеся различия в удельном весе старых и молодых возрастных групп в исследуемый период [13].

Реализация обозначенной методики происходит в несколько этапов. На первом этапе производился расчет такого индикатора, как «индекс старения населения» для русского населения во всех уездах Эстонии по данным переписи населения на 2021 г., который рассчитывается как отношение числа лиц старше 60 лет к числу детей (0–14 лет). Поскольку рассматривается общая трансформация возрастной структуры, а не только непосредственно процесс старения, было принято решение скорректировать параметры изначальной формулы, заменив численность населения в возрасте 0–14 лет на численность населения моложе трудоспособного возраста, а категорию численности населения в возрасте 60 и более лет – численностью населения старше трудоспособного возраста. После внесенных корректировок формула получила следующий вид:

$$I_{\text{стар.}} = \frac{P_{\text{стар.труд.}}}{P_{\text{мол.труд.}}} \times 100,$$

где $I_{\text{стар.}}$ – индекс старения; $P_{\text{стар.труд.}}$ – численность населения старше трудоспособного возраста; $P_{\text{мол.труд.}}$ – численность населения моложе трудоспособного возраста. Чем ниже показатель индекса старения, тем более молодой является структура населения [14, с. 818].

Для типологизации возрастной структуры по индикатору «индекс старения» была использована равноинтервальная открытая шкала, как это было сделано в работе О. О. Секички–Павленко «Типология трансформации возрастной структуры населения регионов России», основу которой также составила методика, разработанная З. Длугошем [13; 14, с. 818]. За исключением открытых интервалов (первого и последнего), диапазон каждого из них равен 30 единицам, а общее количество интервалов достигает 6 и соответствует типам возрастной структуры: очень молодая возрастная структура – меньше 40; молодая возрастная структура – 40,1–70,0; возрастная структура в преддверии старости – 70,1–100,0; умеренно старая возрастная структура – 100,1–130,0; старая возрастная структура – 130,1–160,0; очень старая возрастная структура – более 160,0. После расчета индикатора «индекс старения» русское население каждого уезда Эстонии было отнесено к одному из типов возрастной структуры, который соответствует указанным выше интервалам.

На втором этапе осуществлялся расчет индекса динамики старения согласно методике З. Длугоша [13], благодаря чему возможно определить вектор и интенсивность процесса трансформации возрастной структуры. Формула для расчета индекса динамики старения выглядит следующим образом:

$$W_{SD} = \left[P_{\text{мол.труд.}(t)} - P_{\text{мол.труд.}(t+n)} \right] + \left[P_{\text{стар.труд.}(t+n)} - P_{\text{стар.труд.}(t)} \right],$$

где W_{SD} – индекс динамики старения; $P_{\text{мол.труд.}(t)}$ – доля населения моложе трудоспособного возраста на начало исследуемого периода; $P_{\text{мол.труд.}(t+n)}$ – доля населения моложе трудоспособного возраста в конце исследуемого периода; $P_{\text{стар.труд.}(t+n)}$ – доля населения старше трудоспособного

возраста, в конце исследуемого периода; $P_{\text{стар.труд}(t)}$ – доля населения старше трудоспособного возраста на начало исследуемого периода. Высокие значения индекса говорят об интенсивном процессе старения в том или ином муниципальном образовании, а отрицательные значения свидетельствуют о том, что на определенной территории происходит процесс омоложения населения. В качестве начала исследуемого периода в нашем случае было принято решение взять 2011 год ввиду наличия более полных данных официальной статистики о численности населения моложе и старше трудоспособного населения.

Что касается третьего этапа, то в рамках каждого из обозначенных выше типов возрастной структуры с применением полученных данных по индексу динамики старения населения были выделены подтипы, которые формируют представление об интенсивности и векторе происходящих изменений, характеризующие будущие потенциально возможные трансформации возрастных структур в каждом из уездов страны. Теоретически можно выделить до восьми типов интенсивности демографического старения: 1) несдержанное старение; 2) усиленное старение; 3) умеренное старение; 4) медленное старение; 5) спокойное омоложение; 6) умеренное омоложение; 7) усиленное омоложение; 8) несдержанное омоложение [13; 15]. Однако, как показали проведенные расчеты, русскому населению по всем уездам Эстонии соответствуют только четыре подтипа, характеризующие интенсивность процесса трансформации возрастной структуры: с тенденцией умеренного старения, усиленного старения и несдержанного старения.

Результаты и их обсуждение

Для получения более детальной картины в рамках исследования по обозначенной выше методике также были рассчитаны индексы старения и динамики старения эстонского населения, что позволило наглядно увидеть различия в изменении динамики возрастной структуры двух крупнейших этнических групп Эстонии. На рис. 1 приведены итоги расчета индекса старения русского и эстонского населения по каждому из уездов страны. На рис. 2 представлены результаты расчета

индекса динамики старения русского и эстонского населения по каждому из уездов страны.

Как показывают проведенные расчеты, русское население Эстонии по индексу старения можно отнести к следующим типам возрастной структуры: с умеренно старой возрастной структурой (русские в уезде Хярьямаа), старой возрастной структурой (русские в уездах Валгамаа и Ида-Вирумаа) и очень старой возрастной структурой (русские во всех остальных уездах страны). Возрастная структура эстонского населения выглядит гораздо более молодой и подразделяется на четыре типа возрастной структуры: молодая возрастная структура (уезд Хярьямаа), возрастная структура в преддверии старости (уезды Тартумаа и Рапламаа), умеренно старая возрастная

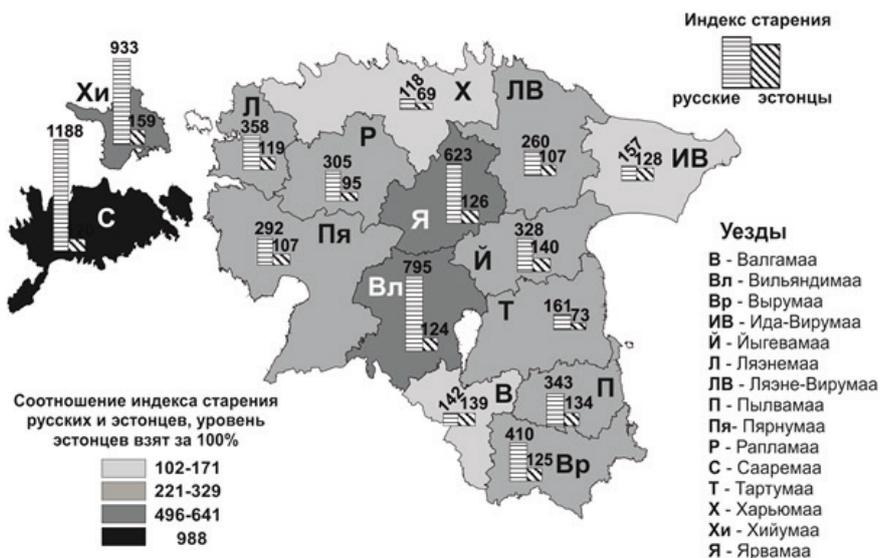

Рисунок 1. Индекс старения русского и эстонского населения Эстонии, на 31.12.2021.

Источники. Здесь и на рис. 5 [16].

Fig. 1. The aging index of the Russian and Estonian population of Estonia, as of 31.12.2021.

Sources: Here and in Fig. 5 [16].

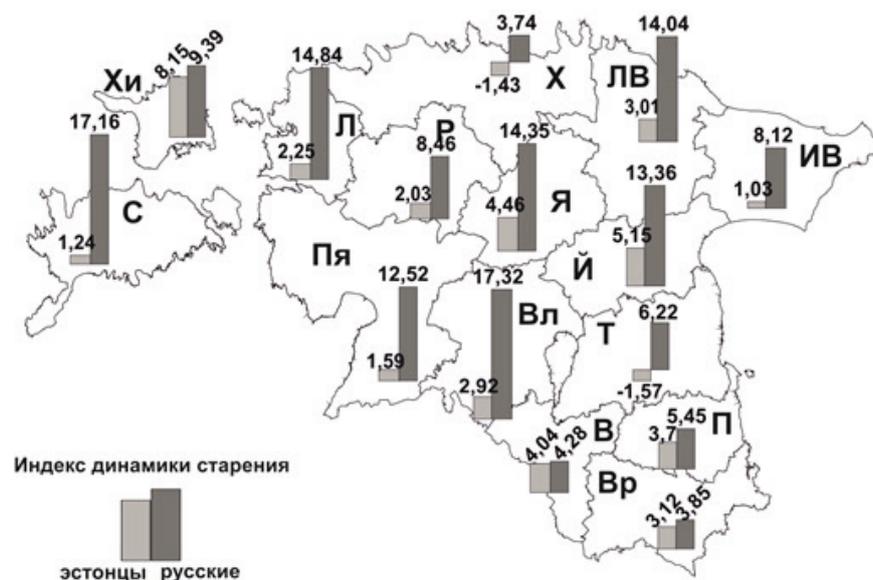

Рисунок 2. Индекс динамики старения русского и эстонского населения Эстонии, 2011–2021 годы.

Источники. Здесь и на рис. 3 [16; 17].

Fig. 2. The index of the dynamics of aging of the Russian and Estonian population of Estonia, 2011–2021.

Sources: Here and in Fig. 3 [16; 17].

структура (уезды Пярнумаа, Ляэне-Вирумаа, Ляэнемаа, Сааремаа, Вильяндимаа, Вырумаа, Ярвамаа, Ида-Вирумаа) и старая возрастная структура (уезды Пылвамаа, Валгамаа, Йыгевамаа, Хийумаа).

Индекс динамики старения также выше среди русского населения. Если среди русского населения ни в одном из уездов не наблюдается возрастной структуры с тенденцией омоложения, то среди эстонского населения в двух уездах страны возрастная структура имеет тенденцию спокойного омоложения (уезды Тартумаа и Хартюмаа). В 53 % уездах Эстонии возрастная структура русского населения характеризуется тенденцией несдержанного старения (уезды Хийумаа, Пярнумаа, Ляэне-Вирумаа, Йыгевамаа, Ляэнемаа, Ярвамаа, Вильяндимаа и Сааремаа), в то время как среди эстонского населения ни в одном уезде такой тенденции нет. В 80 % уездов возрастная структура эстонского этноса имеет характер медленного (уезды Ида-Вирумаа, Вильяндимаа, Сааремаа, Ляэнемаа, Пярнумаа, Рапламаа) и умеренного старения (Пылвамаа, Валгамаа, Йыгевамаа, Ярвамаа, Вырумаа и Ляэне-Вирумаа), в то время как среди русского населения тенденцию умеренного старения можно наблюдать только в 26 % уездов (Хартюмаа, Валгамаа, Вырумаа и Пылвамаа), а возрастной структуры с тенденцией медленного старения среди русского этноса и вовсе нет ни в одном из уездов страны. Данные по индексу старения и индексу динамики старения без привязки к этнической принадлежности приведены на рис. 3.

Полученные данные по индексам старения и динамики старения отражают характер и особенности демографических процессов, которые происходили в Эстонии на протяжении первой четверти XXI в.

За 2000–2011 гг. средний возраст русского населения повысился на 5,6 лет (с 39,9 до 45,5 лет). При этом доля пожилого и старого населения (60 лет и старше) выросла с 18,2 до 31,8 % [16–18]. У эстонцев данный показатель составлял 24,93 %. Еще ниже он был у латышей (19,1 %) и немцев (21,14 %). Сопоставимым с русскими он был у армян (28,75 %) и литовцев (29,23 %). В то же время среди некоторых других этнических групп Эстонии доля населения старше 60 лет была значительно выше: у украинцев она составляла 36,2 %, у поляков, финнов, татар находилась в диапазоне 40,5–46,9 %; у евреев и белорусов – 50,0–54,3 %.

Очевидно, что этнические группы, более 40 % представителей которых – люди старше 60 лет, на-

ходятся в процессе демографического угасания. Между тем сразу в нескольких уездах Эстонии на эти возрастные когорты (60+) приходилось 45–56 % местного русского населения (таблица). Сравнительный анализ возрастной структуры территориальных групп русских и темпов их убыли в 2000–2010-е гг. обнаруживает прямую корреляцию. Максимальное сокращение численности русского населения с 2000 по 2021 г. фиксировалось в уездах Хийумаа (-47,62), Вильяндимаа (-47,3), Ярвамаа (-45,7), Сааремаа (-44,9), Пылвамаа (-41,4 %) [16–18]. Но именно в этих уездах в начале 2020-х гг. было сосредоточено наиболее пожилое русское население (средний возраст его находился в диапазоне 55–62,7 лет).

И в целом только в 6 из 15 уездов Эстонии средний возраст русских был меньше 50 лет. Закономерно, что наиболее молодой являлась группа русских столичного субрегиона (42,9 лет), выступавшего центром притяжения для всего населения страны. Показательно, что средний возраст русских столичного уезда Хартюмаа за 2000–2021 гг. вырос только на 4,1 года. В четырех других уездах страны (именно они были в лидерах депопуляции русского населения) этот рост составил 15,6–18,3 года; еще в шести – 10,4–13,9 лет (рис. 4 А). Причина очевидна – в ми-

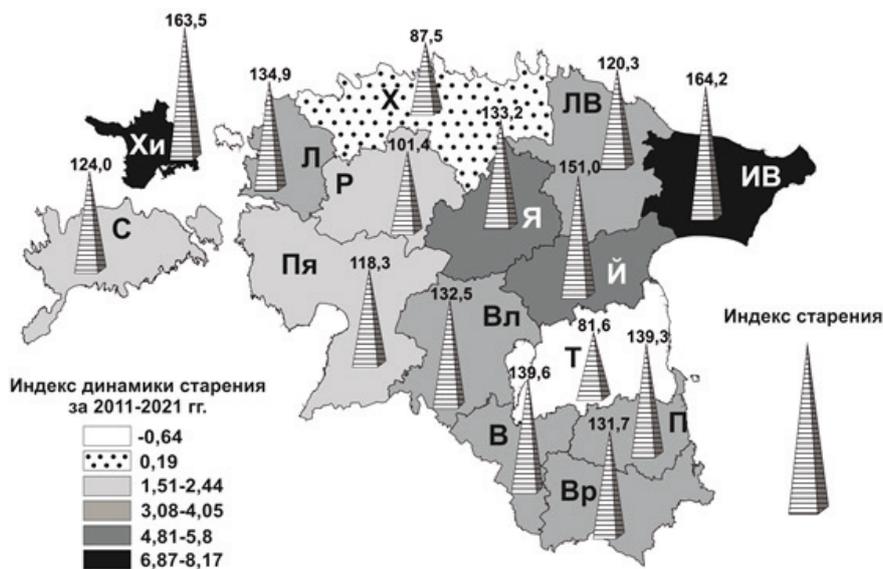

Рисунок 3. Индексы старения и динамики старения населения Эстонии за 2011–2021 годы.
Fig. 3. Indices of aging and dynamics of aging of the Estonian population for 2011–2021.

Возрастная структура русского населения Эстонии, 2000–2021 годы (чел., %)

The age structure of the Russian population of Estonia, 2000–2021 (people, %)

Возрастные группы, лет	Численность населения, тыс. чел.			Удельный вес среди всех этнических групп, %		
	2000 г.	2011 г.	2021 г.	2000 г.	2011 г.	2021 г.
младше 10	28 302	30 494	28 503	20,07	21,59	20,23
10–19	55 843	25 937	29 787	26,44	20,54	20,76
20–29	46 590	46 927	23 512	24,64	25,07	17,48
30–39	45 469	46 011	46 339	24,45	25,79	23,28
40–49	59 220	43 178	45 267	30,45	24,8	24,65
50–59	37 881	55 528	41 580	23,69	31,2	24,24
старше 60	77 873	78 160	100 264	27,05	25,28	27,95

Источники. Здесь и на рис. 4: [16–18].
Sources. Here and in Fig. 4 [16–18].

грационном оттоке, значительная часть которого была ориентирована на столицу страны, количественно доминировали молодежь и люди среднего возраста (учебная и трудовая миграции), деформировавшие возрастную структуру оставшегося русского населения.

Повышенная доля людей старшего возраста, как правило, коррелирует с небольшим удельным весом «средневозрастных» поколений населения. Доля русского населения в возрастных группах 20–29 и 30–39 лет в 2021 г. составляла 22,16 %, что заметно уступало показателю армянского (27,73), латышского (37,89) и немецкого (38,76 %) народов. И была ниже, чем у эстонцев (25,29 %) и украинцев (23,48 %). За 2011–2021 гг. удельный вес русских Эстонии в данных возрастных группах сократился на 6,33 %, что являлось одним из самых высоких темпов убыли среди всех этнических групп страны (выше был только среди татар и евреев – 6,91 и 7,64 % соответственно) [16; 17].

Как показали расчеты, в период с 2011 по 2021 г. доля русского населения Эстонии в возрастных группах 20–29 и 30–39 лет сократилась в среднем на 6 %. В указанных возрастных группах максимальное сокращение численности русских происходило в уездах Вильяндимаа (на 49,6 %), Рапламаа (46,6), Ляэнемаа (45,9 %). Достаточно высокими также были темпы сжатия данных возрастных групп у русских в уездах Ляэне-Вирумаа (35,6) и Тартумаа (34,9 %).

Негативные сдвиги в возрастной структуре русской общины страны ощутимо актуализировали другую проблему ее демографической динамики. Поскольку демонстрировавшие абсолютное и удельное сокращения «средневозрастные» поколения русских заключали группу репродуктивных женщин. Если в 2000-е гг. ее размеры практически не изменились, то в 2010-е гг. группа русских женщин наиболее активного детородного возраста (20–39 лет) сократилась в Эстонии почти на 25 % (с 46,5 тыс. до 34,9 тыс. чел.). При этом, в четырех уездах убыль составила 46–50 %, еще в семи – 31–37,5 % (см. рис. 4 Б). Даже в столичном субрегионе данная группа потеряла 19,7 % своего размера. Однако процесс демографического сжатия не закончен – в 2020-е гг. даже без учета фактора миграции, женская группа активной репродукции в русской общине сократится еще на 22,5 % [16].

Следует отметить, что еще одна специфика половозрастной структуры русского населения Эстонии состоит в заметном количественном перевесе женщин (в 2021 г. их приходилось 122 чел. на 100 мужчин). Однако уровень

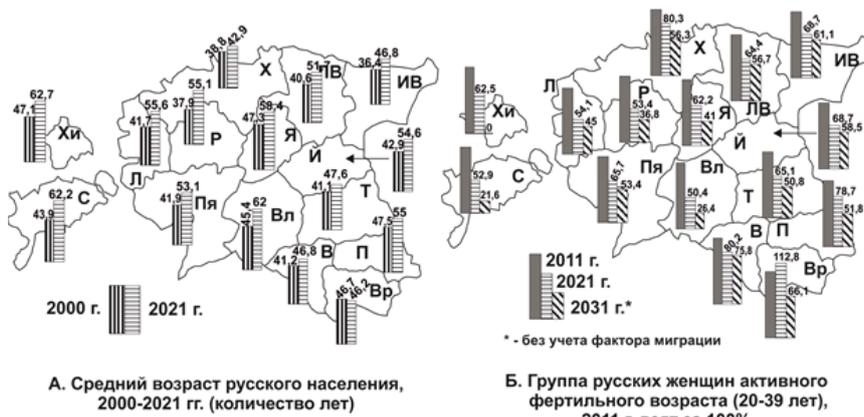

Рисунок 4. Динамика показателей половозрастной структуры русского населения по уездам Эстонии. Fig. 4. Dynamics of indicators of the gender and age structure of the Russian population in the uyezds of Estonia.

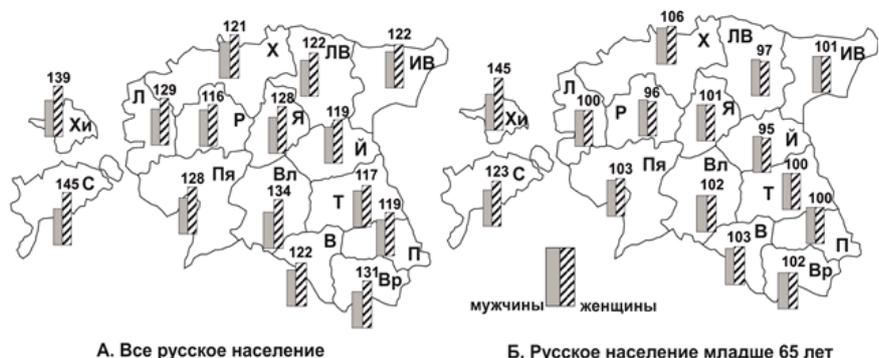

Рисунок 5. Соотношение русского мужского и женского населения по уездам Эстонии, 2021 год (численность женщин на 100 мужчин). Fig. 5. The ratio of the Russian male and female population by uyezds of Estonia, 2021 (number of women per 100 men).

изменения полового соотношения на всем протяжении постсоветского периода оставался стабильным, в отличие от подавляющего большинства других русских общин ближнего зарубежья, в которых он постепенно возрастал. Отметим и достаточно ограниченный разбег полового дисбаланса по отдельным территориальным группам русских Эстонии (рис. 5 А). Не менее значимо, что во всех этих группах (кроме двух «островных» уездов) дисбаланс формировался исключительно за счет старших возрастных групп. У русского населения до 65 лет (дети, молодежь и люди трудоспособного возраста) он был минимальным (рис. 5 Б). Что, безусловно, имело положительное значение для процесса естественного воспроизводства русского населения страны.

Выводы

Как показывают полученные данные по индексам старения и динамики старения, русское население Эстонии является гораздо более возрастным, нежели эстонское население: в настоящее время возрастную структуру русского населения Эстонии можно определить как умеренно старую (уезд Хартумаа), старую (уезды Валгамаа и Ида-Вирумаа) и очень старую (все остальные уезды страны). Эстонскому населению в разных уездах страны свойственна молодая возрастная структура, возрастная

структура в преддверии старости, умеренно старая возрастная структура и старая возрастная структура. Похожие выводы можно сделать и по индексу динамики старения: в настоящее время ни в одном из уездов страны возрастная структура русского населения не имеет тенденцию омоложения, в то время как для возрастной структуры эстонского этноса тенденция омоложения свойственна двум административно-территориальным образованиям. Кроме того, в абсолютном большинстве уездов страны возрастная структура русского населения характеризуется тенденцией несдержанного старения, а для эстонского этноса больше характерен тип возрастной структуры с тенденцией медленного и умеренного старения (в 80 % всех административно-территориальных образований). Немаловажным фактором, оказывающим влияние на специфику трансформации возрастной структуры русского населения, является сокращение доли населения в возрастных группах 20–29 и 30–39 лет: в период с 2011–2021 гг. удельный вес русских Эстонии в указанных возрастных группах сократился на 6,33 %, что являлось одним из самых высоких темпов убыли среди всех этнических групп страны. Потенциально подобный тренд может свидетельствовать о риске снижения численности женского населения в наиболее репродуктивно активных возрастных группах еще на 22,5 % на протяжении 2020–х гг.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Кабузан, В. М. Русские в мире / В. М. Кабузан. – Санкт-Петербург : Блиц, 1996. – 350 с.
2. Козлов, В. А. Демографическое поведение русской диаспоры в странах Прибалтики и Центральной Азии / В. А. Козлов // Вестник Института экономики РАН. – 2018. – № 3. – С. 50–60.
3. Манаков, А. Г. Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии с 1881 г. по 2016 г. / А. Г. Манаков, О. А. Чученкова. – Псков: Русская книга, 2017. – 96 с.
4. Никифоров, И. В. Демография русского населения Эстонии в XX веке // Этническая политика в странах Балтии / И. В. Никифоров, В. В. Полещук. – Москва : Наука, 2013. – С. 155–176.
5. Рыбаковский, Л. Л. Русские и новое зарубежье: миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику / Л. Л. Рыбаковский. – Москва : ИСПИ, 1996. – 55 с.
6. Тишков, В. А. Русские как меньшинства (пример Эстонии) / В. А. Тишков // Общественные науки и современность. – 1993. – № 6. – С. 110–124.
7. Манаков, А. Г. Оценка воспроизводственного потенциала этнических групп в странах Балтии / А. Г. Манаков, П. Э. Суворков, И. В. Ермолин // Современная Европа. – 2021. – № 7. – С. 27–38. – URL: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720212738>. (дата обращения: 24.06.2024).
8. Хрущёв, С. А. Этнические аспекты демографических процессов в странах Балтийского региона / С. А. Хрущёв // Балтийский регион. – 2010. – № 4. – С. 91–102.
9. Суций, С. Я. Русские в Прибалтике – геодемографические тренды постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века / С. Я. Суций // Народонаселение. – 2018. – Т. 21, № 3. – С. 21–36.
10. Суций, С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода / С. Я. Суций // Демографическое обозрение. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 6–30.
11. Халлик, К. С. Русские в Эстонии // Русские: этносоциологические исследования / К. С. Халлик. – Москва : Наука, 2011. – С. 90–119.
12. Житин, Д. В. Демографическое развитие стран Балтии / Д. В. Житин, А. А. Иванова. – Москва : Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2017. – 112 с.
13. Dlugosz, Z. (2003). The level and dynamics of population ageing process on the example of demographic situation in Europe. *Bulletin of Geography (Socio-Economic series)*, 2, 5–15.
14. Секички-Павленко, О. О. Типология трансформации возрастной структуры населения регионов России / О. О. Секички-Павленко // Экономика региона. – 2023. – № 19 (3). – С. 813–827.
15. Антипова, Е. А. Типологические подходы в изучении демографического старения сельского населения Беларуси / Е. А. Антипова // Региональные исследования. – 2007. – № 3 (13). – С. 3–12.
16. Департамент статистики Эстонии. Результаты переписи населения 2021 гг. Возрастная структура. – URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2021__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 24.06.2024).
17. Департамент статистики Эстонии. Результаты переписи населения 2011 гг. Возрастная структура. – URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel-ja-keelteoskus-murded/RL0429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 24.06.2024).
18. Департамент статистики Эстонии. Результаты переписи населения 2000 гг. Возрастная структура. – URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2000__vanus/RL201 (дата обращения: 24.06.2024).

References

1. Kabuzan, V. M. *Russkie v mire* [The Russians in the world] / V. M. Kabuzan. – St.Petersburg: BLITZ [Russian-Baltic Information Center "BLITZ"]. 1996. – 350 p.
2. Kozlov, V. A. *Demograficheskoe povedenie russoj diasporj v stranah Pribaltiki i Central'noj Azii* [Demographic behavior of the Russian Diaspora in the Baltic States and Central Asia] / V. A. Kozlov // *Vestnik Instituta ekonomiki RAN* [Bull. of the Inst. of Economics, RAS]. – 2018. – No. 3. – P. 50–60.
3. Manakov, A. G. *Dinamika etnicheskogo sostava nasele-niya Estonii i Latvii s 1881 g. po 2016 g.* [Dynamics of the ethnic composition of the population of Estonia and Lat-

- via from 1881 to 2016] / A. G. Manakov, O. A. Chuchenkova. – Pskov. Russkaya kniga [Russian Book], 2017. – 96 p.
4. Nikiforov, I. V. Demografiya russkogo naseleniya Estonii v XX veke [Demography of the Russian population of Estonia in the XX century] / I. V. Nikiforov, V. V. Poleshchuk // Etnicheskaya politika v stranah Baltii [Ethnic politics in the Baltic States]. – Moscow. Nauka, 2013. – P. 155–176.
 5. Rybakovsky, L. L. Russkie i novoe zarubezh'e: migracionnyj obmen i ego vliyanie na demograficheskuyu dinamiku [The Russians and the New Abroad: migration exchange and its impact on demographic dynamics] / L. L. Rybakovsky. – Moscow: Institut social'no-politicheskikh issledovanij Federal'nogo nauchno-issledovatel'skogo sociologicheskogo centra Rossijskoj akademii nauk [Inst. of Socio-Political Studies of the Federal Research Sociological Center, RAS], 1996. – 55 p.
 6. Tishkov, V. A. Russkie kak men'shinstva (primer Estonii) [The Russians as minorities (the example of Estonia)] / V. A. Tishkov // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]. – 1993. – No. 6. – P. 110–124.
 7. Manakov, A. G. Ocenka vosproizvodstvennogo potentsiala etnicheskikh grupp v stranah Baltii [Assessment of the reproductive potential of ethnic groups in the Baltic States] / A. G. Manakov, P. E. Suvorkov, I. V. Ermolin // Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. – 2021. – No. 7. – P. 27–38. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720212738>.
 8. Khrushchov, S. A. Etnicheskie aspekty demograficheskikh processov v stranah Baltijskogo regiona [Ethnic aspects of demographic processes in Baltic region] / S. A. Khrushchov // Baltijskij region [Baltic Region]. – 2010. – No. 4. – P. 91–102.
 9. Sushchy, S. Ya. Russkie v Pribaltike – geodemograficheskie trendy postsovetskogo perioda i perspektivy pervoj poloviny XXI veka [The Russians in the Baltic States – geodemographic trends of the post-Soviet period and prospects of the first half of the XXI century] / S. Ya. Sushchy // Narodonaselenie [Population]. – 2018. – Vol. 21, No. 3. – P. 21–36.
 10. Sushchy, S. Ya. Russkoe naselenie blizhnego zarubezh'ya: geodemograficheskaya dinamika postsovetskogo perioda [The Russian population of the Near Abroad: geodemographic dynamics of the post-Soviet period] / S. Ya. Sushchy // Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]. – 2020. – Vol. 7, No. 2. – P. 6–30.
 11. Khallik, K. S. Russkie v Estonii [The Russians in Estonia] / K. S. Khallik // Russkie: etnosociologicheskie issledovaniya [The Russians: Ethnological research]. – Moscow: Nauka. – 2011. – P. 90–119.
 12. Zhitin, D. V. Demograficheskoe razvitie stran Baltii [Demographic development of the Baltic States] / D. V. Zhitin, A. A. Ivanova. – Moscow. Associaciya knigoizdatelej «Russkaya kniga» [“Russian Book” Association of Book Publishers], 2017. – 112 p.
 13. Dlugosz, Z. (2003). The level and dynamics of population ageing process on the example of demographic situation in Europe. Bulletin of Geography (Socio-Economic series), 2 / Z. Dlugosz. – P. 5–15.
 14. Sekitski-Pavlenko, O. O. (2023). Tipologiya transformacii vozrastnoi struktury naseleniya regionov Rossii. Ekonomika regiona [Typology of the transformation of the age structure in Russian Regions. Economy of the region] / O. O. Sekitski-Pavlenko. – 2023. – No. 19(3). – P. 813–827.
 15. Antipova, E.A. Tipologicheskie podhody k izucheniyu demograficheskogo stareniya sel'skogo naseleniya Belarusi [Typological Approaches in the Study of Demographical Ageing of Rural Population of Belarus] / E.A. Antipova // Regional'nye issledovaniya [Regional studies]. – 2007. – № 3(13). – P. 3–12.
 16. Departament statistiki Estonii. Rezultaty perepisi naseleeniya 2021 gg. Vozrastnaya struktura [Department of Statistics of Estonia. Results of the 2021 population census. The age structure]. – URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2021__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emaleel/RL21429/table/tableViewLayout2 (accessed: 24.06.2024).
 17. Departament statistiki Estonii. Rezultaty perepisi naseleeniya 2011 gg. Vozrastnaya struktura [Department of Statistics of Estonia. Results of the 2011 population census. The age structure]. – URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emaleel-ja-keelteoskus-murded/RL0429/table/tableViewLayout2 (accessed: 24.06.2024).
 18. Departament statistiki Estonii. Rezultaty perepisi naseleeniya 2000 gg. Vozrastnaya struktura [Department of Statistics of Estonia. Results of the 2000 population census. The age structure]. – URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2000__vanus/RL201 (accessed: 24.06.2024).

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00974 – URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00974/>.

Acknowledgments (state task)

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00974 – URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00974/>.

Информация об авторе:

Узнародов Дмитрий Игоревич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник лаборатории социологии отдела общественных наук Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН; ORCID: 0000-0001-7570-3614 (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Чехова, д. 41; e-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru).

Author:

Dmitry I. Uznarodov – Cand. Sci. (Political Sciences), Senior Research Fellow, Laboratory of Sociology, Department of Social Sciences, Federal Research Center Southern Science Center, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-7570-3614 (41, Chekhov ave., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation; e-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru).

Для цитирования:

Узнародов, Д. И. Специфика трансформации возрастной структуры русского населения Эстонии (2000-2021) / Д. И. Узнародов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 52–59.

For citation:

Uznarodov, D. I. Specificity of transformation of the age structure of the Russian population of Estonia (2000-2021) / D. I. Uznarodov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2024. – No. 10 (76). – P. 52-59.

Дата поступления статьи: 23.10.2024

Прошла рецензирование: 25.10.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 23.10.2024

Reviewed: 25.10.2024

Accepted: 12.12.2024